

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
Олимпиада школьников «Будущее с нами» 2015-2016 уч.г.
Задания очного этапа
Литература
10 класс

I тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературоведческих терминов. Вам предлагается начало словарной статьи. Закончите ее, стараясь раскрыть суть литературоведческого термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 8—10 предложений.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН — роман, действие которого разворачивается на фоне исторических событий. Зачатки исторического романа можно усмотреть уже в античную эпоху. В русской и европейской литературе.....

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте фрагмент книги Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Представьте себя в одной из ролей НА ВЫБОР: а) А.А. Фета, б) Н.А. Некрасова, в) Ф.И. Тютчева — и напишите ПИСЬМО-ОТВЕТ Н.В. Гоголю, обосновывая отношение к его позиции с учетом избранной роли, привлекая необходимые историко-литературные факты и отсылая к произведениям избранного вами автора. *Рекомендуемый объем письма — 10—15 предложений.*

«Нынешнее время есть именно поприще для лирического поэта. Сатирой ничего не возьмешь; простой картиной действительности, оглянутой глазом современного светского человека, никого не разбудишь: богатырски задремал нынешний век. Нет, отыщи в минувшем событье подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его в виду всех, как поражено было оно гневом Божиим в свое время; бей в прошедшем настоящее, и в двойную силу облечется твое слово: живей через то выступит прошедшее и криком закричит настоящее. Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный Суд Божий, что встрепенется настоящее. У тебя есть на то орудья и средства: в стихе твоём есть сила, и упрекающая и подъёмлющая. То и другое теперь именно нужно. Одних нужно поднять, других попрекнуть: поднять тех, которые смутились от страхов и бесчинств, их окружающих; попрекнуть тех, которые в святые минуты небесного гнева и страданий повсюдных дерзают предаваться буйству всяких скаканий и позорного ликованья. Нужно, чтобы твои стихи стали так в глазах всех, как начертанные на воздухе буквы, явившиеся на пиру Валтасара, от которых все пришло в ужас еще прежде, чем могло проникнуть самый их смысл. А если хочешь быть еще понятней всем, то, набравшись духа

библейского, опустишь с ним, как со светочем, во глубины русской старины и в ней порази позор нынешнего времени и углуби в то же время глубже в нас то, перед чем еще позорнее станет позор наш. Стих твой не будет вял, не бойся; старина даст тебе краски и уже одной собой вдохновит тебя! Она так живьем и шевелится в наших летописях» (Н.В. Гоголь. *Выбранные места из переписки с друзьями*, 1844).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли составителя сборника избранных произведений «Мне нравится, что вы больны не мной...» Парадоксы любви в русской и мировой литературе». Укажите имена авторов и названия произведений, которые вы включили бы в этот сборник; кратко обоснуйте свой выбор и логику расположения произведений в сборнике (если вы планируете выделять в сборнике разделы, придумайте им названия). Напишите небольшую вступительную заметку «К читателю», которая могла бы предварять сборник. *Рекомендуемый объем вступительной статьи — 10—15 предложений.*

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного прозаического текста.

Выполните Задание 4 в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.
--

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ
«Жизнеописание одной мысли»

I

Мысль родилась в тихое июльское послеполудня. Вокруг Мысли кружили садовые дорожки. Ветви тянулись из стволов в небо. Глянув сквозь зрачки мыслителя в мир, Мысль увидала: прямо перед нею за плетением ветвей каменная стена; сверху – полукруглый сводчатый скос лобной кости. Рождение Мысли произошло в тот момент, когда старый мыслитель, поднявшись, сделал тринадцать из четырнадцати заранее отмеренных от скамьи до скамьи шагов, отделявших место размышлений от места, на котором лежал аккуратно сложенный вчетверо носовой платок. Мыслитель считал движение чрезвычайно полезным здоровью и всегда, прежде чем позволить себе застыть на одной из скамей садика – с ладонями, упершимися в колени, с челом, наклоненным к земле, – он обыкновенно клал в четырнадцати шагах от себя на край соседней скамьи носовой платок. Итак, отшагав тринадцать шагов, философ протянул было руку к платку, но в этот-то миг и возникла мысль: «Звездное небо надо мною моральный закон во мне». Рука, точно ткнувшись в Мысль, повисла в воздухе: все – стена, деревья, белое пятно платка, солнце, земля, листья, скамьи, все, до последнего луча и блика, вывалилось из зрачков: был – Мыслящий и Мысль, и ничего меж ними. На пыльно-голубоватом небе в полдень не гореть звездам: но сейчас, волею Мысли, они зажглись и сияли изумрудными пожарами на своих сомкнутых орбитах; каменная ограда садика, безлюдного, с путаницей кружащих и возвращающихся в себя желтых дорожек, с калиткой, закрытой на ключ, делала излишними присутствие какого бы то ни было мо-

рального закона, но одним толчком глаз философ разомкнул ограду садика, бросив ее к пределам мира: рванул путаницу дорожек – и вдруг раскружились в пути: широкие, узкие, торные, битые и заросшие терном – из близей в даль.

Длилось это секунд десять.

А затем звезды снова задернуло голубовато-пыльным днем. Ограда садика опять сомкнула свои кирпичи, а пути свернулись в дорожки и покорно легли под подошвы мудрецу.

Белый же комок платка, развернувшийся было гигантской сквозистой млечной тканью, опять сдернулся вниз и, собравшись комком, лег, как лежал до, на доску скамьи, деревянные ноги которой еще чуть дрожали после безумно быстрого бега туда – в беспредельность, и обратно – в садик мудреца.

После происшедших сдвига и вдвига старый философ благополучно дотянул руку до платка, тщательно вытер им нос и вернулся на прежнее место.

II

Первые дни земной жизни Мысли были лучшими ее днями: осмотревшись под просторным костяным сводом черепа, Мысль увидела себя среди огромного, на диво сдуманного и слаженного мирозерцания. Глянув было под чуть поднятые веки наружу, в мир, Мысль откачнулась назад: в мирозерцании куда лучше, чем в мире. Оттуда из мира, гляделось короткое, от горизонта до глаза, пространствьице, сплошь загроможденное вещами. Здесь – в мирозерцании раскрывалось чистое, не грязненное вещью пространство: оно давало просозерцать себя насквозь – от безначальности до бесконечности. В мире (хотя бы здесь, на стене) у глаз ползают по циферблатному диску секунды, на столе раскрыт «Лейпцигский всеобщий календарь», и никому не отпущено сразу больше чем по одной секунде. А в мирозерцании: ниоткуда не идущая, никуда не уходящая вечность.

Понятно поэтому, что, когда через два дня после случая с носовым платком мыслитель, сев к рабочему столу, положил перед Мыслью, меж двух зажженных свеч, лист чистой бумаги, та отпрянула назад: «Не хочу в буквы». Но старик делал свое. Борьба была недолга, хоть и упорна: Мысль выскальзывала из-под пера, выпрыгивала из слов и путала буквы. Но старик, перечеркнув, расставлял их по-новому, пока наконец ему не удалось, изловив Мысль в расщеп пера, притиснуть к бумажному листу. Печальной черной строкой лежала Мысль перед усталыми слезящимися глазами старика: «Возьми меня назад».

Старик задумался. Он не любил отдавать другим свои слова: перо уже потянулось к Мысли, миг, – и чернильная черта навсегда бы укрыла ее от чужих любопытствующих глаз. Но в это время стенные часы начали бить одиннадцать. Философ не позволял себе засиживаться позже этого часа – ни на секунду, с первым же ударом часов он отложил перо, задул одну из свечей и, держа другую в руке, зашлепал туфлями к порогу спальни. А Мысль, вдетая в строку, осталась лежать одна на бумажном листе, в темной и пустой комнате. Левым концом строки она была повернута к окну; за окном – небо: теперь небо не противоречило Мысли – оно было явно звездным. Правым концом строки Мысль повернулась к комнате: за комнатой комната, за нею крыльцо, за крыльцом улица, за улицей снова крыльцо, и комната, и еще комната – городок. Казалось, и здесь все было в согласии с Мыслью, так как никогда городок не достигал таких моральных высот, как в одиннадцать ночи, когда он поголовно, всеми своими комнатками, смежив ставни и веки, засыпал. Но, несмотря на то, что противоречия были «сняты», Мысль, прежде чем уснуть на шершавом бумажном листе, долго и беспокойно ворочалась с буквы на букву.

III

Наборщик схватил Мысль и, прежде чем она опомнилась, разорвал ее на буквы; затем, грубо зажав ее в грязных, пахнущих кнастером, свинцом и потом пальцах, стал втискивать в прорезь верстатки. Верстатка была нестерпимо узкой. Не давая роздыха, освинцовелую Мысль положили на скос станка под слой черной остро пахнущей краски – и вдруг ударили печатной доской. Винты пресса, повернувшись слева направо – раз, и другой, и третий, – сжали ее, как в тисках: тут сознание Мысли прервалось. Очнувшись, она увидала себя опять на бумажном листе, но вдетой в какие-то квадратные прямые буквы. Лист, сложенный вшестнадцатеро, вклеили в книгу, на книгу надели глухой переплет. Долго швыряли Мыслью: с типографских кип в ящик тележки, с тележки на половицы склада, оттуда на витрину, с витрины на прилавок, из рук в руки, пока наконец судьба, сжалившись над бедной Мыслью, не разрешила ей встать на книжную полку приват-доцента Иоганна Штумпа. Долго никто не трогал ее. Мысль прикрыло пылинками и снами: вместо звездного неба – сверху книжные полки, выгнутые грузом книг; вместо морального закона, строящего свои действительности из действий, – бездейственные буквы, примкнутые к буквам, за двойным защелком ключа.

И вдруг все закачалось: паутинные нити, разорванные кем-то, опали книзу, вспугнутые пылинки бросились кто куда; костяной нож мерно скользил по страницам, разрывая бумажную ткань. Внезапно же по буквам ударило солнечными лучами; пара сощуренных глаз, скользя по странице – слева направо и сверху вниз, – близилась к захваченной врасплох Мысли.

«Авось мимо», – понадеялась было она. Но глаза уже отыскивали. Справа по книжному полю бежал карандаш. Остановился, ткнувшись графитным острием в бумагу, очевидно, готовясь к прыжку: и вдруг, схватив строку за левый ее край, – тот, откуда сияли звезды, – стал тащить ее через книжное поле к блокноту. «Звездное небо», запрятанное в буквы, попробовало было упираться, но карандаш, ухватив небо за одну из звезд, за самый ее длинный луч, поволок сначала звезды, за ними и моральный закон, к себе на блокнотный квадрат. Недоумевающая, растерянная Мысль далась, не подозревая, что последует вслед за этим. Переодев кой-как Мысль в серые буквы, Штумп долго медлил, с насупленным лбом, ткнувшись пересекшимися зрительными осями в Мысль. Затем, нанизав на оси, медленно поднял их к потолку. Штумп думал; и с Мыслью стало твориться что-то неладное: вдруг звездное небо, как-то странно пожухнув, обвисло стеклящимися, как глаза мертвецов, звездами; звезды протянулись шеренгами по диагоналям и параллелям оквадратившегося неба – и небо стало до странности похожим на потолок Wintergarten'a22 с правильными рядами ввинченных в него тускло мигающих ламп. Моральный же закон, приплюснутый теменем Штумпа, не нуждался уже в непрактичных и легко бьющихся каменных скрижалях: он мог с удобством уместиться и на назидательной жестяной доске, украшающей аллеи общественных садов: «Цветов не рвать!», «Травы не топтать». Добавлялось: «Чужих жен не любить», «В душу не плевать», «Счастья не взбалтывать» и еще две-три максимы. Кстати: все древние «не» были подперты «но». На всякий случай.

– Но ведь это же не я, – протестовала Мысль, – вы принимаете меня за...

Но Штумп, сунув под блокнот рукопись диссертации «О некоторых предпосылках социально-правовых отношений», приказал Мысли стать эпиграфом на заглавной странице.

Делать было нечего: Мысль, брезгливо прикасаясь к толще в четыреста страниц, стала на указанном ей месте. Думала об одном: лишь бы не провалиться туда, в предпосылки.

IV

Страдания только-только начались. Мысль редко теперь и вспоминала об отошедших днях, когда так привольно жилось под просторной и высокой лобной костью муд-

реца: теперь приходилось, что ни день, таскаться из черепов в черепа, ютиться под низкими скосами лбов, лишь изредка видя сквозь муть глаз мира с короткими горизонтами, с вещами, прочно вправленными в дюймы и метры пространств. Мысль знала: обода этих горизонтов никогда и никуда не кружат, вещи, заслонивши друг друга друг другу, никогда не разомкнутся, не прозияют далью. И она забивалась в глубь нежилого черепа под низкое плоское темя. И тосковала о своем первом.

Возврат представлялся теперь невозможным: старый хозяин, отказавший Мысли в короткой чернильной черте, сам лег под кладбищенский дерн, и в черепе его были не мысли, а черви. Теперешние хозяева, если и взглядывали на небо, то разве лишь перед дождем: брать или не брать зонтик. Правда, о моральном законе говорили длинно и назидательно: библиотечные полки гнулись от «Этик». Но изучавшим «науку о правильном поступке» не было, собственно, времени на поступки: ни на правильные, ни на неправильные. Те же, что не имели времени изучать... но что с них спрашивать.

Вначале Мысль попала к цитаторам. Шайка цитаторов обычно работает ножницами и клеем: напав на чужую книгу, цитаторы кромсают ее меж ножничных лезвиев, отрезая и перерезая буквы как попало. Больше боли была обида: цитаторы брали буквенное тело и номера страниц, до самой же Мысли им не было никакого дела. После пришли делатели параграфов: очутившись в параграфе одного из учебников, Мысль даже чуть приободрилась: промен очков на молодые, крепко видящие, с часто расширяемыми зрачками глаза казался ей выгодным.

И Мысль радостно отдавалась целым сериям студенческих глаз, прыгавших с буквы на букву и часто простаивающих целыми часами над строкою, в которую она была вселена.

Но учебник был официально апробирован министерством, и Мысль стала жить – от экзамена до экзамена.

Начались трудовые дни. Страницы учебника замуслили и затрепали. Не было ни мига покоя. Мысль вместе с учебником переходила из рук в руки. Ее таскали с собой: по скамьям парков, по доскам парт, по столам кухмистерских. Будили по ночам. Заставляли прятаться по шпаргалкам. В заикающихся жарких скороговорках экзаменов часто «внизу» лезло в «вверху» и наоборот, и в мораль круто замешивались, как изюмины в тесто, звезды: «Я перепутал, господин профессор, но я все знаю, ей-богу же, знаю...»

Мысль мудреца не обижалась: юно – зелено. Но все это, тянувшееся от семестра к семестру, сквозь годы и десятилетия, начинало тяготить и бесцветить ее. Затасканная по будням, поблекшая, писанная и переписанная, искалеченная ножницами цитаторов, истрепанная о языки студентов, загнанная в тетради и мелкие шрифты примечаний, Мысль изнемогла и стала просить о смерти: съезжившееся небо ее, роняя звезду за звездой, облетая изумрудами лучей, обеззвездилось – и зияло черною ямой вверху. И черной яме вверху жаждалось одного: скорее – в черную яму внизу.

Помогло Время. Отсчитав сто лет со дня смерти мудреца, оно напомнило, что вот, мол... Люди имеют прекрасную привычку: раз в сто лет вспоминать о своих мудрецах. Но чем угодить мертвецу: похоронить его еще раз? Не всегда удобно. Решили похоронить с ним рядом одну из его мыслей: в старый могильный камень, придавивший прах мудрецов, врезали: ЗВЕЗДНОЕ НЕБО НАДО МНОЮ – МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ВО МНЕ.

Мысль легла, вытянувшись во всю длину надгробия, раззолоченными, глубоко врезанными в камень буквами, яркая и нарядная, как в то июльское послеполудня. Не сдвиг мудреца тянулся теперь к ней ветвями деревьев крестовая роцца сомкнула вокруг нее свои крестовины.

Над Мыслью и Мудрецом потянулись речи: говорили не-мудрецы и сказаны были – не-мысли. К вечеру ушли – ржавый ключ опрокинулся бородкой кверху в замочной скважине старой кладбищенской калитки.

И снова они остались вдвоем, как и в то давно отснявшее июльское послеполудня: Мудрец и Мысль.

22 Зимнего сада (нем.).

1922

Количество баллов: 20.